

4248936

СИНИЙ ЖУРНАЛЪ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

на 1 годъ 2 р. 50 к.	на 3 мѣс. 65 к.
» 1/2 » 1 » 25 »	» 1 » 25 »

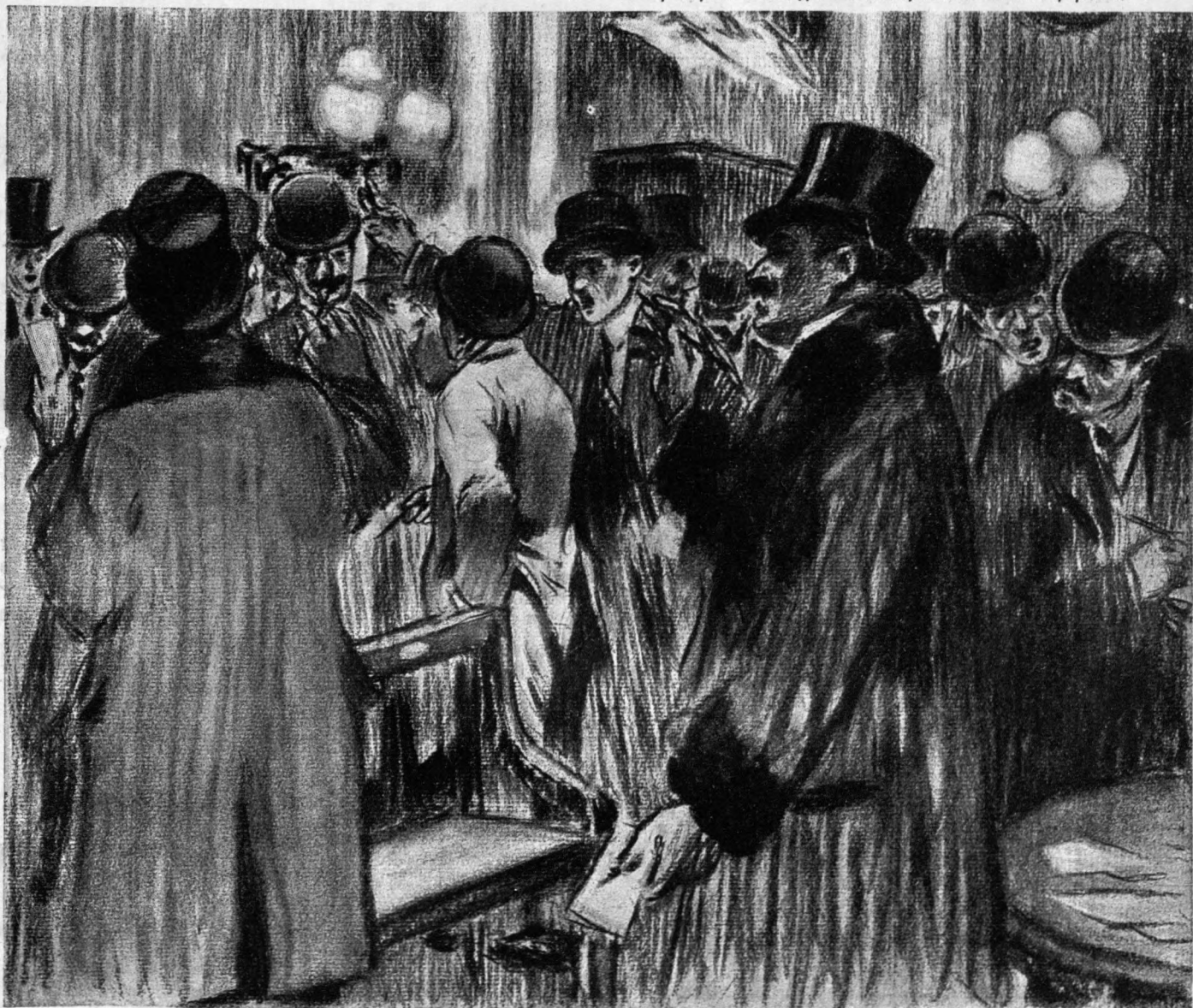
ЦѢНА ОБЪЯВЛЕНІЙ ЗА СТРОКУ НОНПАРЕЛИ:

ПЕРЕДЪ ТЕКСТОМЪ 1 р. — к.
ПОЗАДИ ТЕКСТА — » 80 »

Адресъ Главной Конторы: Спб., Бассейная, 3—5. Тел. 524-62, Редакціи: Спб., Фонтанка, 80. Тел. № 514-27.

— БЕРУ... ДАЮ!!

Ориг. рис. съ натуры нашего художника Н. Н. Герардова.

На биржѣ.

Биржа на этихъ дняхъ переживала крайнее оживленіе. Много способствовали подъему и волненію послѣднія событія въ области внутренней политики..

Громъ того въ храмѣ Ваала ощущалось особенное безпокойство въ виду слуховъ о китайско-русской войнѣ, переговорахъ нашего посла въ Китаѣ съ китайскими дипломатами и т. д.

Газеты раскупались нарасхватъ, событія комментировались на всѣ лады...

Все кипитъ, шумитъ, волнуется...

Внѣшняя картина биржи, конечно, мало отличалась

отъ обычной: биржевикъ, пріѣхавшій въ тысячной бобровой шапкѣ, спѣшигъ немедленно бросить ее въ одну изъ картонокъ, которыми уставлена „курительная комната“ и замѣняетъ ее, легкимъ головнымъ уборомъ—цилиндромъ или котелкомъ.

На „биржѣ“ всѣ съ покрытой головой.

Вокругъ „кит. вѣ“ биржи, словно въ солнечной системѣ, вращаютъ я звѣзды второй и третьей степени.

Шумъ, гулъ, выкрики, для непосвященнаго непонятные:

— Городскія съ половиной!

— Беру! Даю! Плачу! Три восьмыхъ плачу!

— Даю!..

СОЛНЕЧНАЯ КАРОЛИНА.

Кто только теперь не посягаетъ ароматнаго, залитаго солнцемъ, искрящагося въ морскихъ брызгахъ, Капри,—теперь, когда тихій, спокойный островъ «осчастливилъ» своимъ пребываніемъ Максимъ Горькій.

Очень немногіе уѣзжаютъ обратно, не полюбившись очаровательнымъ видомъ изъ оконъ «дворца» Горькаго, не осмотрѣвъ подробно всѣхъ внутренностей его «виллы»... и—не посѣтивъ знаменитой танцовщицы Каролины.

Каждому М. Горькій горячо совѣтуетъ сходить и посмотреть на эту танцовщицу.

Чтобы увидѣть ее, нужно около часа взбираться вверхъ, на самое возвышенное мѣсто острова.

Горитъ солнце и море вокругъ кажется брилліантовымъ. Нестерпимъ блескъ солнца, отраженнаго въ зеркальной водѣ. Вотъ кафѣ «Тиберія».

Два раза въ недѣлю собираются сюда жители Капри и иностранные туристы—посмотрѣть волшебную тарантеллу волшебницы Каролины.

Незабываемое впечатлѣніе остается у зрителя отъ красочнаго знойнаго танца артистки.

Никто во всей Италіи не пляшетъ жгучей тарантеллы лучше Каролины.

Спеціальной музыки для танца нѣтъ, если не считать бубна въ рукѣ танцовщицы и кастаньетъ на пальцахъ ея и партнера.

Но и этого достаточно. Кажется, что все поетъ и играетъ: и звенящее солнце, и розовая даль, и розы, и очарованные зрители, и національные красивые костюмы танцующихъ.

«Тиберія» стоитъ на головокружительной высотѣ. Смотришь на море, и оно кажется какъ будто подъ ногами.

Но брошенный камень не долетаетъ до воды (Горькій занимается этой невинной забавой цѣлые часы).

Не хочется покидать волшебной панорамы райскаго уголка, гдѣ мелькаетъ и стучитъ подъ ропотъ кастаньетъ легкая ножка королевы тарантеллы—Каролины, первымъ поклонникомъ которой числится нашъ писатель-эмигрантъ...

КНИЖНАЯ И ГАЗЕТНАЯ ПОЛКА.

Вампука народной пѣсни.

Кто принесъ въ редакцію пѣсенникъ „Разлука“ Анат. Бурнакина, новгородскаго критика, до сихъ поръ остается злобщей тайной. Спрашивали чуть не всѣхъ,—отказываются.

А книжка лежитъ на столѣ и портитъ редакцію. Знаете, что такое массовый психозъ? Что такое манія подражанія народнымъ пѣснямъ.

Взять теперь Алексѣя... Исполнительный, тихій, непеющий,—вдругъ является въ комнату и самымъ разбойничьимъ мотивомъ докладываетъ:

—Эхъ да, Анна-Иванна!
Эхъ да нашъ патронъ
Да эхъ гасъ очень странно
Эхъ проситъ въ телефонъ...

И Анна Ивановна подходитъ къ телефону и вдръ гъ начинается на „острожный“ ладъ:

— Да эхъ у телефона я,
Да эхъ алле... Отбой!!
Да я дѣвица скромная...
Эхъ, что дѣлаютъ со мной!!

Секретарь купилъ пива, мрачно застѣлъ въ угловую комнату и цѣлый день гудитъ. Но уже не пародію, а прямо изъ Бурнакина:

— Небось со мной, блондиночка,
Какого мнѣ рожна?
Блондиночка—хм блондиночка—
Законаная жена...

Оказывается, что сочинять пѣсни „подъ Ваньку Ключника“ не такая ужъ хитрая механика.

Но зчѣмъ Ан. Бурнакинъ смущаетъ людей. Ему то все равно, а людямъ нужно служить и работать.

Разсерженный издатель сочинилъ эпифанію,—плохую, но вѣрную:

Эхъ Бурнакинъ ко писанію
Про несчастныхъ пить
Эхъ подходитъ въ окончаніе,
Предъ могилой-да стоитъ.
Я надолго прокукуваю:
Слабъ ты критикъ, плохъ поэтъ...
Эхъ вампукою „Разлукою“
Ты зарѣзанъ въ цвѣтѣ лѣтъ!

В.

Самородокъ.

„Записки литературнаго Макара“—„Прокрустово ложе“—М. Сивачева.

„Я началъ писать рассказы и рѣшился сдѣлаться писателемъ. Но меня не поддержали, вы, будьте прокляты,—интеллигенты, банкроты духа...“

„Идіоты! Говорилъ я самъ себѣ: ты хочешь вступить на путь великодушія, на путь прощенія: вотъ пожинай теперь плоды. Ты хотѣлъ перекинуть мостикъ черезъ бездну—бездна раскинулась шире и глубже. Ты протянулъ руку примиренія,—тебя не поняли, обошли, ты стоишь съ протянутой рукой, ошельмованный, оплеванный...“

Это самородокъ писатель избочиваетъ нашу интеллигенцію. Онъ хотѣлъ перекинуть мостъ между народомъ и интеллигенціей, но не перекинулъ, и написалъ „Прокрустово ложе“.

Хитрая штука это—перекинуть мостъ. Вотъ обратился г. Сивачевъ къ „блатюшкѣ-писателю“ за помощью.

„Батюшка-писатель“ давалъ самородку деньги, читалъ и исправлялъ его рукописи, давалъ свои карточки въ редакціи при рукописяхъ протеже, но... уѣхалъ за границу.

И г. Сивачевъ раздражается:

— „Воспѣваемой на бумагѣ отвлеченный талантъ самородокъ не являлся къ намъ въ реальномъ видѣ, ибо наша житейская, повседневная мораль—это: осадилъ назадъ! Туда, въ тьму невѣжества, въ тиски нужды...“

Долго кормилъ самородка М. Горькій, но и онъ разломалъ мостикъ черезъ бездну.

Спрашиваетъ М. Горькій Сивачева:

— А фуфайка теплая есть на васъ?

— Есть.

А одинъ разъ даже и не по-вѣрилъ:

КЪ СОБЫТИЯМЪ ВЪ КИТАѢ.

Китайская коммиссія, командированная въ Европу для изученія постановки полицейскаго дѣла.

— Маруся, посмотри-ка, есть ли?

«Маруся» (жена Горькаго) отворачиваетъ обшлага верхней рубашки и убѣждается:

— Есть. Не обманываетъ.

Самородокъ убивается:

«Фуфайками подкупили, ну и опростоволохился на то, на что совѣтъ не слѣдуетъ. Раскрылись глаза мои на всѣ тѣ темные страхи, когда меня заласкали фуфайками...»

Такимъ-то вотъ манеромъ перекидывалъ Самородокъ мостъ надъ бездной...

А можетъ быть, бездну надъ мостомъ — бездну пошлости, наглости и претензіи...

Языкотворчество С. Городецкаго.

Языкъ поэтессы С. Дубновой не нравится С. Городецкому:

«Этотъ языкъ, не особенно у С. Дубновой правильный, иногда искажающій ударенія, иногда кривотворящій (впрочемъ, въ предѣлахъ бытующихъ теперь типовъ языкотворчества,) заслоняетъ единственно важное — ту душу, о которой, можетъ быть, призванъ разсказать авторъ.»

Оба — какъ выражаются у Чехова — «образованность свою хочутъ показать и все говорить объ непонятномъ...» Но языкъ С. Городецкаго выходитъ, кажется, даже за предѣлы «бытующихъ теперь типовъ...»

Рыдающій граммофонъ изъ фельетона Н. Ш. въ «Обозрѣніи театровъ».

«Пусть рыдаютъ бархатными рыданьями его порванные смертью струны.»

«Пусть рыдаютъ и тоскуютъ, и жалуются, и зовутъ...»

«А самъ рыдаетъ.»

«Слушайте, слушайте эту рыдающую радость.»

«И рыдаетъ органъ.»

«На фонѣ бархатныхъ педальей рыдаетъ ясное, ясное горестное контральто.»

Это виолончель Вержбиловича рыдаетъ.»

«Рыдаетъ виолончель...»

«Ахъ, нѣтъ, это рыдаетъ граммофонъ...»

Граммофонъ!.. ну то то! а мы думали въ самомъ дѣлѣ..

Литературный «баптизмъ».

Въ доброе старое время, когда добрый романистъ на протяженіи тысячи страницъ ни на минуту не упускалъ изъ виду своего героя, — герои и героини вели себя очень порядочно и никогда не называли себя непринужденными имъ именами.

Теперь началъ встрѣчаться герой «Иванъ, Непомнящій родства».

На одной страницѣ онъ Семень, на десятой Гаврилъ, а на сотой вдругъ превращается въ самую настоящую Марью.

Въ послѣднемъ альманахѣ «Шиповника» у графа Алексѣя Толстого на стр. 19 изображенъ Илья Рѣпьевъ, а на стр. 82 этотъ Илья оказывается Петромъ, и его дочь Софья Петровна (83 стр.)

Самому-то Ильѣ ничего, а дочери неловко... Нехорошо!..

У Сологуба въ «Мелкомъ Бѣсѣ» (5 изд.) одного человѣка зовутъ Иванъ Степановичъ (129 стр.). На стр. 133 собственная жена Ивана Степановича въ здоровомъ умѣ и твердой памяти зоветъ его: — Степанъ Ивановичъ, на минутку!..

У Горькаго въ «Жизни ненужнаго человѣка» печникъ Ключниковъ, какъ свидетельствовалъ К. Чуковский, «возненави-

дѣлъ» свою фамилію и вдругъ сталъ называться Ключаревымъ..

Что-же?.. Позвольте въ альбомъ выпензаваннымъ авторамъ занести слѣдующіе строки:

Пишешь и эдакъ и такъ...

Стала Вавилою—Роза.

Имя—неважный пустякъ:

Nomina sunt odiosa!..

ЗА РУБЕЖОМЪ.

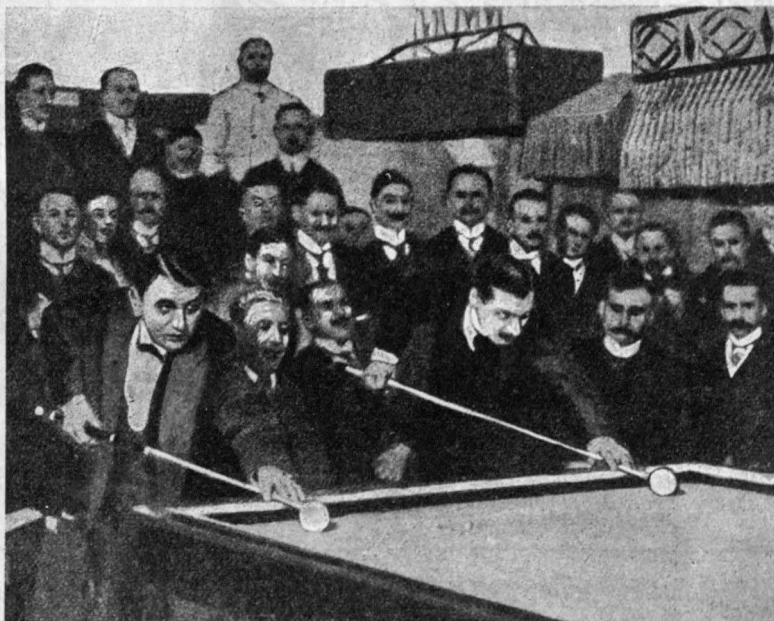
Синдикатъ оккультизма.

Такъ на бѣсѣ вновь организовавшееся въ Парижѣ общество любителей оккультныхъ наукъ, которое имѣетъ своими членами многихъ выдающихся ученыхъ, художниковъ, писателей и артистовъ.

«Синдикалисты» намѣрены подъ своимъ флагомъ соединить оккультистовъ всего міра. На первомъ засѣданіи всѣ ораторы сошлись на мнѣніи, что XX вѣкъ въ исторіи будетъ слыть подъ названіемъ «вѣкъ воздухоплаванія и оккультизма». Оккультизмъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе и симпатіи самыхъ разнородныхъ классовъ и сословій.

Филіальныя отдѣленія въ самомъ непродолжительномъ времени будутъ открыты во всѣхъ европейскихъ столицахъ.

ГРАНДИОЗНЫЙ БИЛЛЯРДНЫЙ МАТЧЪ.

Грандиозный матчъ въ 6000 очковъ, въ берлинскомъ кафе знаменитаго Гуго Керкоу привлекаетъ ежедневно сотни заинтересованныхъ зрителей. Дошло до того, что на мѣста приходится записываться за нѣсколько дней.

Гуго Керкоу въ Берлинѣ популяренъ, пожалуй, не менѣе Вильгельма II. Гуго Керкоу — непобѣдимый бильярдистъ, имя котораго съ гордостью произносится каждымъ берлинцемъ. Но Гуго уже старъ, — и никогда несклонявшееся знамя свое хочетъ передать въ надежныя, молодые и сильныя руки брата, Эгона Керкоу.

Сейчасъ матчъ происходитъ между Эгономъ Керкоу и знаменитымъ австрійскимъ бильярдистомъ „маэстро“ Бруно.

Первые дни состязанія безусловно доказали, что Эгонъ Керкоу поддержитъ „бильярдную“ славу своего рода.